

Тени забытых предков

В Музее личных коллекций при Государственном музее изящных искусств имени А.С.Пушкина прошла выставка живописи Бориса Заборова, нашего бывшего соотечественника, живущего в Париже.

Недавно по телевидению сообщили потрясающую новость (будем надеяться, что это не запоздалая первоапрельская шутка). В камере одной из египетских пирамид ученые сумели снять с шероховатостей стен колебания, записавшиеся на них на манер грампластинок, и, прокрутив запись, услышали разговор двух тогдашних то ли прорабов, то ли жрецов, имевший место несколько тысяч лет назад. Это был немудреный бытовой обмен мнениями на простонародном наречии, что-то вроде: «А саркофаг поставим

вон там», или «Заноси мумию, чего стоишь?». Фантастика! Может быть, когда-нибудь сбудутся предвидения Ивана Ефремова, и наука сможет восстанавливать изображения людей и событий, запечатлевшиеся на всяческих плоскостях, окружающих нас, — на скалах, на стенах, на уличном асфальте...

А пока вызывать образы прошлого может только искусство. Например, картины Бориса Заборова.

До эмиграции, куда он уехал в 1981 году не по своей воле, Борис Заборов жил в Минске, работал в книжной графике, оформил около 400 книг и был довольно известен. Но мечтал о живописи, которой занимался лишь урывками.

И вот — Париж, город грез и мечтаний, где каждый дом и пло-

щадь знакомы по картинам и фильмам. Город хороший, красивый, но очень жесткий и равнодушный к чужакам. Ты здесь действительно свободен, но абсолютно никому не нужен. Трудными оказались для Заборова первые годы жизни на Западе. Это было время одиночества, тягчайшего духовного кризиса, тоски по покинутой Родине. Да и творческого кризиса тоже: то, что увидел художник в музеях, галереях, на выставках и в салонах французской столицы, полностью перевернуло его представления об искусстве, прежде всего о собственном. А нужно было искать свою нишу, работать хотя бы просто для того, чтобы жить.

Позже Б.Заборов вспоминал, как однажды, запершись в доме от прекрасного и такого чужого Парижа, он тоскливо перебирал привезенный из Минска архив и вдруг почувствовал чей-то пристальный взгляд. Это глядел на него со старинной фотографии (он захватил их с собой целую коллекцию, которую собирал много лет) какой-то безымянный житель Богом забытого белорусского местечка, человек, которого уже давно не было на свете. Он глядел спокойно, но внимательно, требовательно, и взгляд этот скрестился с глазами человека конца XX века. И художник понял: люди былых времен, их образы, вызванные из небытия, помогут ему побороть тоску по прошлому, заново обрести себя, цель творчества.

Так появились на свет странные серовато-серебристые полотна Заборова, причудливо сочетающие имитации старых студийных фотографий с приемами современного живописного авангарда. Иногда на них бывают изображены деревенские пейзажи, тоже странные, безлюдные, заворуженно застывшие в таин-

ственном неживом свете, но чаще всего это портреты людей — одного или группы. В них нет никакого действия, очень мало деталей окружения, лишь самое необходимое — стул, вазон с фикусом, гроб, обломок колонны и — люди, стоящие фронтально, как и полагалось стоять перед камерой в начале века.

«Видимо, — говорит Заборов, — этот момент отрешенности, ко-

торая появляется в глазах людей, смотрящих в камеру: перед вспышкой, создает какое-то особое настроение. Это настроение, очевидно, и волновало меня. Мне всегда хотелось, видя студийные портреты, по выражениям лиц, по глазам попытаться мысленно реконструировать жизнь этих людей, их характеры, представить их прошлое».

(Окончание на 4-й стр.)

